

Н.Н. Сосна

Непомерный «космизм». Действие по Антонио Негри

Сосна Нина Николаевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: phljnrl@yandex.ru

В статье рассматривается проблематика единого-множественного в сочинениях А. Негри в перспективе современных дебатов об «агентности», «элементности» и субъективности. Показывается, что марксистская ориентация его работ, приведенная в соответствие со спинозистскими устремлениями автора, позволяет поставить онтологический вопрос о форме существования и возможности структурирования ее понятием «мера». С одной стороны, Негри противопоставляет инструменталистскому разуму творческое созидание, которое должно иметь место вне всевозможных мер и способов управления и контроля. С другой стороны, само существование действующей и созидающей единицы не представляется ему возможным в тотальной «безмерности». Следовательно, открывается возможность переопределить меру не только как накладываемые извне сдерживающие рамки, но и как объединяющий механизм, собирающий действующую субъективность в некое единство. Эта возможность получает весьма интересные способы реализации, если сопоставить идеи Негри с некоторыми современными интерпретациями, оперирующими как художественными конструкциями, так и техническими параметрами, примеры которых также приводятся в статье. На фоне этих последних обнаруживается безусловно не-постгуманистическое, но футурологическое решение Негри.

Ключевые слова: мера, инструментализм, единство, элементное, техника, приращение, космос

Обращение к мысли Антонио Негри – политического теоретика и активного политического деятеля, спинозиста и этика – в этой статье связано с его интересом к проблеме меры, который проявлен в небольшой книжечке о фигуре Иова [Negri, 2009; Негри, 2012]. Эти его размышления крайне важны в контексте современных дискуссий об онтологиях и ни много ни мало – месте человека в космосе, но не абстрактно или прогностически рассматриваемого, а буквально и материально. Вопрос о единице или элементе («агенте», как говорили недавно) – бытия ли, действия ли – с одной стороны, древний и в этом смысле вполне заслуживший значительную философскую репутацию, по крайней мере в западной традиции со времен Парменида; с другой стороны, это насущный вопрос конкретного существования в мире,

взаимосвязей с другими, кем бы они ни были – представителями иного этноса, иного животного царства, вообще не природным образованием типа чипа или иного технического объекта. Многие авторы за последние несколько лет предъявили читателям большое количество того, что Негри уже давно связывает с «космогониями»: «Космогонии могут стать насущными, открываясь навстречу древним человеческим устремлениям» [Negri, 2009, p. 2]. Они размечают контуры мира, каким он был или мог бы быть без человека, возможно, «плоским» или «объектно-ориентированным», или «контингентным». Как и чем могла бы быть в таких условиях единица действия или «новая субъективность», чем характеризоваться прежде всего – вопрос, по-своему заботящий как этих авторов, так и А. Негри, и нас. Тем более важный, что ответ на него задает меру открытости, не переходящей в патологическую незащищенность и аномальную пластичность, в которых действующая единица утрачивает автономию и в конечном итоге изменяет себе. Именно такой характеристикой пластичность выступает в исследованиях Катрин Малабу, причем чем дальше развивается ее проект, тем более очевидной делается деструктивность пластичности: если в начале она была фактически чертой гегелевского духа [Malabou, 1996], то впоследствии ввиду интереса Малабу к нейропроцессам и переносимости последствий катастроф смещалась к указанию на замещение через отрицание, когда организм как целое, как будто продолжая существовать физически и соответствуя некой определенной сумме параметров, тем не менее образует дистанцию по отношению к себе прежнему [Malabou, 2009]. Вопрос также осложняется тем, что «мера» в современных условиях неизбежно включает и технологические параметры, следы чего можно найти в «Науке логики», содержащей фрагменты обсуждений актуальных для того времени проблем науки, что уходит у Малабу и тем более практически не рассматривается Негри.

Разумеется, намеченный фокус статьи нисколько не умаляет ни масштаба политической деятельности А. Негри, ни заряженности и ангажированности его текстов. Ведь этот человек более всего известен сразу и как активный политический деятель и как теоретик политического, один из немногих реальных практиков марксизма, для которого нет разделения на университетскую жизнь и «работу в кварталах», по его собственному выражению. Его биография очень рельефна: после событий 1978 г. в Италии, связанных с «Красными бригадами» и Альдо Моро, он был задержан и провел четыре года под арестом без решения суда, освобожден после избрания в парламент от Радикальной партии и эмигрировал во Францию, где издавал журнал «FuturAnterieur». В 1997-м вернулся в Италию, чтобы принять судебное решение и провести в тюрьме еще несколько лет.

Книга об Иове как раз и была написана в заключении, когда проблема освобождения была не абстрактным идеалом, а реальной практической необходимостью. Значительное операистское (от слова *opera* – «рабочий») влияние и ставка на силу прямого сопротивления, фактически исключающего любые формы посредничества, характерные для многих работ Негри, и здесь вполне прослеживаются. Но эта работа интересна как одно из начал мысли Негри, где некоторые вопросы решены иначе, чем в более известных и более популярных сочинениях, появившихся позднее, в том числе написанных совместно с М. Хардтом, таких как «Империя» [Негри, Хардт, 2004], «активно читаемая поп-книга, определенно выходящая за рамки сугубо академической теории, учитывая ее стремление стать еще и политическим событием, т. е. практическим действием» [Пензин, 2004, с. 52], или «Множество» [Негри, Хардт, 2006].

Очень важен заряд, который творчество Негри получает благодаря прочтению Спинозы, оказавшего на Негри большое влияние. Ему посвящена «Дикая аномалия» [Negri, 1991 (2003)], книга, также написанная в заключении. Видно, как тщательно

читает Негри «Трактат об усовершенствовании разума», «Этику» на разных стадиях ее написания, «Богословско-политический трактат», «Политический трактат», переписку Спинозы с соратниками и противниками, а также работы современных исследователей. Разумеется, здесь критикуются попытки установления форм господства, государственная организация потоков ценностей, упорядочивание схем социальных отношений, идеология, эгоистические интересы и их политическая консервация. Ведь главным видится самоопределение, как на этическом, так и на бытийном уровне. Причем эти уровни фактически не различаются [подробнее в: Сосна, 2012], поэтому важно, на наш взгляд, определить то, что (и кто) действует на этих уровнях в качестве базовой единицы. В избранной здесь перспективе способов определения действующих единиц, элементов и проч., в которую встраиваются не только фигуры типа Иова, которые могли бы быть сочтены метафорическими, но и Спиноза, важен вопрос, значимый для Негри (и для последующего развития «теории множества» или «грамматики множеств»): возможно ли продолжение гуманистической традиции? Это также вопрос соотношения единичности и множественности. Спинозистский принцип спонтанности бытия является здесь тем, что определяет границы субъективности, утверждающейся в потоке конститутивных движений. То, что обычно называется индивидуальностью, не выступает принципом или ценностью, оказываясь просто элементом структуры бытия, которое постоянно расширяется и движется. Столкновения и напряжения свойственны людям, поскольку они свойственны самому бытию. И хотя человеческое бытие проявляется так же, как другие формы бытия, наряду с этими формами, хотя социальное не является неким объединением или надстройкой более высокого порядка над атомарными индивидуальностями, Негри говорит именно о человеческом бытии, нестабильном, динамичном. Стремления, столкновения, напряжения, противоборство сил – всем этим обеспечивается динамика, в том числе и социальная. «Антагонистическая фаза конститутивного процесса входит все глубже и глубже в неопределенное бытие жизни и мало-помалу преобразует его колебания в сомнения и этическое противоречие...» [Negri, 1991, p. 153]. Слова Спинозы о том, что если двое объединят свои силы, то они будут обладать большей властью и правом над природой, чем каждый по отдельности, означают, что коллективное измерение приводит к смещению в антагонистическом развертывании бытия. А дальше на сцену выходит *multitudo* – не как негативное условие, но как позитивная предпосылка самоконституирования права.

Действительно, понятие «множество», содержание которого ранее принято было передавать такими терминами, как «толпа» или «масса», противопоставляемое как «индивидууму», с одной стороны, так и «народу» – с другой, сделалось предметом обсуждения позднее. Одним из ярких диспутантов начала 2000-х в определении роли этого понятия помимо Негри был П. Вирно [Virno, 2004, Вирно, 2013]. Также значимы в этом контексте работы Ж.-Л. Нанси, хотя и не использующего термин «множество», но разрабатывающего идею сообщества как деконструированного общества, и в этом смысле также говорящего о новых формах связи между разными «элементами» [Нанси, 2006]. Хотя формально работа Вирно – также политический трактат о способах (со)существования в условиях постфордизма, с его коммуникативно-лингвистическими играми на заводах и фабриках, «множество» может быть рассмотрено как переходная форма, задаваемая первостепенной для определения медиа функцией опосредования. Сама переходность оказывается возможной, как мы уже показывали [Сосна, 2013], благодаря часто используемой Вирно модальности потенциальности: речь идет не о мышлении как таковом, но о говорении; не о результате труда, но об исконных и неотчуждаемых человеческих способностях, которые делают его возможным; не о зрелище как зоне видимости, но о том, что может иметь место и показаться в этой зоне. Поэтому и множество, улавливаемое

где-то между индивидуальным и коллективным, частным и общественным, флуктуирующее между страхом и тревогой, совершая переходы от опасности к спасению и обратно, видится формой опосредования этих крайних точек. Однако оказалось, что такую позицию трудно удержать: сам Вирно явно наделил множество характеристиками, которыми оно не может обладать актуально, а также указывал, что грядущая «более радикальная индивидуация» учтет «каждого из многих» (each of the many), фактически выводя на свет рампы опять-таки единицу.

Впоследствии неоднозначность оценки «множества» подчеркивалась не раз: так, например, показывалось, что не только множество децентрировано и потому обладает преимуществами и меньшей уязвимостью, но и Империя использует децентрированные методы, например, сетевое ведение войны [Galloway, Thacker, 2007]. Тем интереснее книга Негри об Иове для избранного в настоящей статье фокуса: она показывает не только генезис комплекса политических идей Негри о множестве в историко-философской перспективе, но и разворачивание проблемы соотношения «одного» и «многого» в интересующих нас онтологическом и витальном планах. Отмечая, что «универсальное конституирование дуальности – реальная проблема “Книги Иова”», Негри в конце концов приходит к утверждению значимости того, что Иов – один, и открыт диалогу настолько, что это почти стоит ему жизни.

Прекрасно осознавая, что за сотни лет «Книга Иова» многократно перечитывалась и переинтерпретировалась, и разбирая некоторые из интерпретаций, А. Негри, конечно, не полагает, что в своем сочинении выявит новые смыслы; равным образом не видит и комментирование своей задачей. В полном соответствии со своим модусом существования он предлагает считать свою книгу интервенцией. Он настаивает, что при всем разнообразии частей этой книги, чередовании прозаических и поэтических фрагментов, наличии позднее добавленных вставок есть нечто, что собирает все эти фрагменты воедино, и это – не что иное, как «космогония созидания». Именно это важно для Негри, ведь «пессимизм», нигилизм и негативность не получилось приписать Иову ни у С. Киркегора, ни у А. Шопенгауэра, ни у Дж. Леопарди [Negri, 2009, p. 29], а Р. Жирар, хотя и был достаточно проникновенен, чтобы заметить несводимость описанного в этой книге к схеме «козла отпущения», в итоге не мог предложить ничего, кроме «жалкой диалектики»¹. «Космическая конструкция» – вот что привлекает Негри в этом, казалось бы, старом тексте. «Неиссякаемый вид», «новое событие творения». Но, предупреждает Негри, мистерией тут нельзя удовлетвориться. И он задает свой важнейший, весящий не меньше кантовского вопрос: «что станет делать человек?» [ibid., p. 54].

Что делает Иов? Лишенный всего, оставленный, осуждаемый, доведенный до края бездны, знающий, что может погибнуть в любой момент, он упорствует только в одном – он хочет видеть. Конечно, для Негри здесь не важны какие-либо визуальные контексты, он настаивает на видении-космосе, так можно сказать. И Иов не отрицает. Это чрезвычайно важно для Негри. Потому что даже сила небытия есть здесь позитивное онтологическое определение: положение Иова таково, что в нарастающем захвате иррациональными и ничтожащими силами он не идет к ничто; напротив, не просто его сила, его «мощь» (potenza)² становится все более действенной. Очень важно подчеркнуть, что для Негри в этом нет никакой диалектики: нет ситуации, когда Иов, доведенный до отчаяния, доходит до отрицания (что ему фактически навязывали даже родственники и друзья), чтобы, возможно, впо-

¹ Тема эксплицитного антигегельянства Негри в связи с понятием меры заслуживает отдельного рассмотрения, которое мы планируем для следующих статей.

² Переводчики следуют за объяснением, предложенным многолетним соавтором и соратником А. Негри, Майклом Хардтом, который переводит potere как Power и potenza как power [Negri, 1991].

следствии по-гегелевски перейти в противоположный позитивный «момент». Дело совсем в другом: Иов обретает видение, он ощущает момент, когда его конкретная сингулярность открывается универсуму. И это есть момент творения. В космическом масштабе.

А в творении – еще один принципиальный тезис – нет меры. Негри ссылается здесь на Фому Аквинского, писавшего, что милосердие (*charity*) неизмеримо, потому что позволяет нам участвовать в акте творения [Negri, 2009, p. 75]. И оно здесь важнее воздаяния, важнее справедливости и важнее общей ценности, так как все перечисленные категории работают только через понятие меры. И именно против меры методологически направляет свое сочинение Негри, используя термин *smisurato*, который издатели нередко оставляют для читателей без перевода.

Однако прежде, чем перейти к предложенным и другим возможным переводам этого термина, обратимся к контекстам, которые, по мысли Негри, работают против меры. Постараемся обнаружить структуры, которые задействует Негри, попеременно обращаясь к типично марксистским темам и «сингулярному универсализму». Этих контекстов по крайней мере два: труд (и связанная с ним инструментальность) и общественные отношения (а также справедливость и воздаяние), и оба Негри характеризует через утрату меры.

Что касается такого важного для марксизма понятия, как труд, то Негри вынужден подчеркнуть, что в современных условиях он более не указывает на эксплуатацию: каким бы грубым ни было ранее действие сил принуждения, в самом его разворачивании можно было опознать механизм воздействия. Однако сегодня эти процессы скрыты мистификацией денег, более не соответствующих никакой мере труда, справедливой или нет; результаты труда делаются несущественными, его процесс – незавершаемым, нейтральным и «мягким». Труд более не является одним из типов деятельности наряду с другими, не оставляет места для выхода в другие пространства. И это значит, что в современном мире эксплуатация выступает как эффект устойчивости [ibid., p. 71]. А если труд более не измеряется рациональной мерой, он становится злом, делает вывод Негри: его «мягкость» никак не отменяет боли, которую он вызывает, но выходы, которые ей предоставлены, никак ей не соразмерны. Заметим, что если вернуться к истоку, предполагая, что события книги Иова к нему ближе, то Негри обнаруживает там труд как зло, и даже не просто некое зло, но космическое: труд – это наказание для человека, неизбежная и бессмысленная деятельность, которая его опустошает. И пример такой деятельности для Негри – предприятие Прометея: героическое и бессмысленное, никак не влияющее на положение вещей, ничего не меняющее в происходящем, бесконечно вызывающее боль.

Оценивание нескончаемого труда как зла не предполагает, тем не менее, его подведения под моральные критерии: категории справедливости или воздаяния тут не работают. Показывая это, Негри ищет баланс между демократическими устремлениями и книгой Иова. Последняя рисует в том числе картины суда: если на Иова обрушиваются столь тяжелые события, значит, он их заслужил? Друзья Иова – законники, и они хотели бы, чтобы суд состоялся и чтобы была обеспечена справедливость. Его привлекали к порядку. Герои от Софара до Елиуя, далее раввинистические и патристические толкования меряли опыт Иова мерками «теологически известного». Они говорили, что за ним есть вина и именно она причина его несчастий, а то, что Негри именуется «элементами универсума» – тьма, огонь, наводнение, – рассматривалось ими как инструменты моральных санкций [ibid., p. 35], которые манифестируют справедливость их создателя. Негри обращает внимание, что это непростой суд: в нем и судья, и одна из сторон – это одно и то же Лицо. Но тогда такой суд непропорционален: получается, что разрешение проблемы этого суда

могло бы состояться через «снятие» одного из участников, т. е. фактически через отрицание – которое в данном случае означает деструкцию.

Таким образом, ни труд, ни справедливость не могут распределяться соответственно некой общей мере. Чем больше мир задан какой-либо одной унитарной мерой и всякое природное и историческое выражение является раскрытием в соответствии с ней выстраиваемого нарратива, тем более такая унификация обнаруживает себя как не имеющая значения.

А что имеет значение? Если вернуться к фигуре Иова, то она также странная, или, иначе, дикая. Если, как замечает Негри, «Спиноза начинает там, где прерывается Иов» [Negri, 2009, р. XXIV], если он в определенном смысле так же «дик», как и Спиноза в своем стремлении уделить внимание страстям, не только разуму, то его поведение не подпадает под известные общие мерилы, в каких бы сферах они ни были выработаны – морали, социальных интеракциях, теологических спорах. Какими же терминами переводчики пытаются передать, как Негри описывает ситуацию, в которой Иов оказался? Уже обозначенный нами термин *smisurato* они предлагают переводить то как *immensity* (скорее пространственно неограниченный, огромный), то как *immeasurableness* (не подлежащий измерению), то как *indifference* (неразличимость), то как *immoderate* (неумеренность, чрезмерность).

Мы предположили, что на русский язык это слово можно было бы перевести применительно к данному случаю как «непомерное»: слишком тяжелое для одного человека, слишком не похожее на то, что известно, и в этом смысле «неразличимое» (Негри бросает такой комментарий: не признавая, что «мир сопротивляется вампиризации системой», Гегель фактически позволял соскользнуть миру, якобы неподвижному, но вмещающему много боли и трагедии, в неразличимость). Как в этом отчасти формально выделяемом синонимичном ряду, если он действительно выстраивается, так и в содержании рассуждений Негри видно, что меры разного типа фактически накладываются друг на друга: пространственные величины (космические и человекообразные), личные этические модусы (отношение к другому человеку, отношение к ближнему, отношение к Богу), физические возможности, эмоциональные поля (и потенциал действия). Когда Негри подчеркивает несводимость Иова, его сингулярность – его конкретное сопротивляющееся тело, которое есть и которое неприкасаемо, его отказ играть роль в привычной символической расстановке фигур при вынесении суждения (и приговора), что оказывается более принципиальным в нем как единице – то, что он сжат до точки или что он движется, выходит, делает, созидает, творит, наконец?

Этот вопрос можно пояснить, сделав две отсылки – к Б. Паскалю, которого, кстати, Негри упоминает, и к А. Гэллоуэю, разрабатывающему ныне «философию компрессии» [Galloway, La Riviere, 2017]: можно ли сравнить трагическое балансирование «мыслящего тростника» между, если угодно, двумя бесконечностями с иронической непроницаемостью ядерной частицы, не осознающей скорее всего свой «космизм», но в каком-то смысле состоящей «из той же материи, что и звезды»? У этой частицы также есть своеобразное олицетворение – беккетовский Бартлби, непонятный и закрытый как для себя, так и для окружающих, непрозрачный, выключенный практически из всех контекстов, самым своим недействием как будто нечто все-таки совершающий. И именно в такой фигуре в том числе проявляется актуальная сегодня тенденция «возвращения автора», творца – именно так, даже не просто субъективности. Эта тенденция усиливается в противовес как прошлым микроисследованиям представителей французской теории, так и обширным горизонтам безличных и нарочито безликих постгуманистических онтологий, предложенных совсем недавно. В рамках данной статьи нет задачи сравнить эти работы Гэллоуэя и Негри, написанные с разницей почти в 30 лет, тем более выстроить

между ними иерархию, однако важно указать на находящиеся между собой в отношениях дополнителности способы представить действующую и творческую единицу. Сжатие, которое преломляет Гэллоуэй, вытаскивая этот термин прежде всего из контекстов информационных технологий, практически чужих для Негри³, при всей программно антиромантической направленности этой операции⁴, при всех значимых и незначимых потерях информации, которые происходят при сжатии, также делает рельефной категорию меры, вне действия которой точечное действие едва ли возможно: Бартлби не может быть бесконечно сжат, иначе он был бы разрушен – именно в качестве некой единицы.

Что-то подобное происходит и в книге об Иове: по нескольким причинам – личной неприязни Негри к увлеченности мерой в частности и инструментальному разуму вообще⁵, из-за изменившегося характера капитализма, все более перемещающегося в область когнитивного, сузившимся возможностям выражения и т. д. – мера на первый взгляд отрицается, что и подчеркнуто термином *smisurato*. С другой стороны, мера необходима, потому что Негри задается-таки вопросом, как она еще может быть возможна. Негри находит, конечно, и считает нужным подчеркнуть, что есть тип меры, который отрицать невозможно ввиду его объективного характера. Это время природы. Но и здесь Негри видит если не выход, то лаз: да, время объективно, и оно направлено против всякой конкретизации живого, но множественность использования времени имеет значение. В этой множественности противопоставлены по крайней мере два использования времени: для эксплуатации и для освобождения, – и в этом двойном распознавании, с одной стороны, объективности времени, с другой стороны, возможности действовать, погрузившись в него, развивается переопределение ценности и, соответственно, здесь ставится проблема упорядочивания, порядка, меры. Возвращаясь к синонимическим рядам, устанавливаемым переводчиками (от пространственных величин до способностей человека в *smisurato*), важно высветить еще одну «космогоническую» развертку: неизмеримым паскалевским безднам Негри противопоставляет силу человечности [Negri, 2009, p. 60].

Можно ли тогда утверждать, что сама субъективность при определенных условиях может выступить такой мерой, и не столько в смысле софистов⁶, сколько в смысле намечаемой сегодня теории элементного? Тогда примерами такой меры (пусть квазиметафорическими) являются Иов и Бартлби. Но с разнонаправленными импульсами: раскрывающийся навстречу взаимодействию первый и закрывающийся, сворачивающийся внутрь второй. Тогда, далее, допустимо предположить, что

³ В качестве ответа на многочисленные критические выпады в адрес левоориентированных мыслителей, десятилетиями не рассматривавших и прямо отрицавших медиа и технологии на основании их манипуляционной сути и полной вписанности в капиталистическое производство, можно рассматривать фрагменты из «Множества» и «Декларации», посвященные «субъективным фигурам кризиса». Одна из них – «медиазависимый» [Негри, Хардт, 2014]. В книге об Иове для А. Негри еще очевидной представляется разрушительная роль технологического развития: «как действовать в мире, где разрушение ценностей не знает меры и абсолютное небытие, ядерное, то есть абсолютное разрушение того, что существует, впервые находится в распоряжении власти»? [Negri, 2009, p. 8].

⁴ Определенное соположение этих двух фигур отсылка, Иова и Бартлби, представляется возможным даже несмотря на то, что для Гэллоуэя важно было подчеркнуть «нерабочесть», не-операциональность Бартлби (“unworkability” или “inoperativity”), его соответствие логике “No demand” движения Осуру.

⁵ Негри пишет о том, что культ меры сопровождал его довольно долго – в коммунистической партии, затем при работе с профсоюзами, и только в 1968 г. он почувствовал реальную возможность для созидания, для творения нового – в ситуации, не ограниченной мерами.

⁶ Их формула, как известно, гласила: «Человек есть мера всех вещей, существующих, насколько они существуют, и не существующих, насколько они не существуют».

решение, возможно, осуществляется между этими двумя направлениями, а именно в пульсирующей единичности: не единственности, но элементности, насколько ее квант способен и взаимодействовать, и сохранять что-то важное в себе.

Казалось бы, к такому выводу подводит и интервенция Негри, предлагающая своеобразный вариант решения проблемы одного-многого. В предисловии Негри отмечает, что для Иова, как и для Спинозы, бытие едино. И далее не раз возвращается к тому, что все они существуют в одной реальности; но, подчеркивает Негри, Бог – это Бог, Иов – это Иов. Более того, два важнейших героя этой книги пытаются порвать связь, не будучи в состоянии сделать это, поэтому собственно мир представлен как дуальность. Или, если переводить это снова на другой язык, это субъекты, которые соучаствуют в одной общности накладывающихся друг на друга продуктивных сил и попыток управления в хаосе. Поэтому схождение универсализма и сингулярности как будто налицо. Должны ли мы сделать вывод о том, что уже в этой дуальности – истоки множества?

При неоднозначности и разнонаправленности некоторых суждений Негри следует, пожалуй, заключить, что некоторое единство, поддерживающее меру своего существования в пульсирующих захватах и отдачах, действительно может привести к *смещению*, например, к смещению в антагонистическом развертывании бытия. Но этого мало: перераспределений материи бытия на те или иные сгустки, компоненты, элементы недостаточно для возникновения нового. Действие, созидание и творение образуются в *приращении* бытия, когда созиданием трансформируются материальные ритмы. Показательно, что переводчики на английский язык используют термин *augmented being*, термин, ныне накрепко связанный с усложнением технологических устройств, добавляющих к наличным измерениям еще одно (как в случае с «дополненной реальностью» и т. д.). Негри же приходит к приращению бытия из этического и безмерно открытого созидания, в котором, действительно, нет ничего технологического, только раскрытая человечность. Поэтому Негри, конечно, непостгуманистичен, по крайней мере у истоков своей теории множества, со всей страстью подчеркивая силу человечности и ее задачи.

Понятно, что для Негри «Этика» не может быть ничем иным, кроме записи теоретико-практического опыта самого Спинозы. Тогда и Иов – не просто метафорическая фигура или знак, даже едва ли образ, оперирование им – не художественный прием. Это конкретное, сингулярное воплощение. Но образуют ли Иов и Бартлби множество? Выдерживает ли само понятие «множество» концептуальное и эмоциональное напряжение, которое не позволило бы «слепиться» его единицам в одно (или другое) действующее лицо, единицу? Со стороны может показаться, что, пройдя этап увлечения «множественностью» и разыскивая альтернативы «автору», теоретики возвращаются к таким отчасти нигилистическим и весьма закрытым фигурам, как Бартлби. Тем интереснее, на наш взгляд, позиция Негри, сохраняющая свой позитивный заряд и поддерживающая рост.

Список литературы

Вирно, 2013 – Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 176 с.

Нанси, 2004 – Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В. Фурс. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.

Негри, 2012 – Негри А. Этика как созидание / Пер. с ит. И. Левиной // Синий диван. 2012. № 17. С. 213–228.

Негри, Хардт, 2004 – Негри А., Хардт М. Империя / Пер. с англ. под общ. ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2004. 440 с.

- Негри, Хардт, 2006 – Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
- Негри, Хардт, 2014 – *Негри А., Хардт М.* Субъективные фигуры кризиса / Пер. с англ. Д. Аронсона // Синий диван. 2014. № 19. С. 86–104.
- Пензин, 2004 – *Пензин А.* «Революционное чудовище»: понятие множества в философии Антонио Негри // Синий диван. 2004. № 5. С. 36–61.
- Сосна, 2012 – *Сосна Н.* Введение в этику жизни // Синий диван. 2012. № 16. С. 151–164.
- Сосна, 2013 – *Сосна Н.* Потенциально «человеческое»: Верно и медиальное // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2013. Т. 10. № 1. С. 64–75.
- Galloway, LaRivière, 2017 – *Galloway A.R., LaRivière J.R.* Compression in Philosophy // boundary 2. Vol. 44. No. 1. Durham; London: Duke University Press, 2017. P. 125–147.
- Galloway, Thacker, 2007 – *Galloway A.R., Thacker E.* The Exploit: a Theory of Networks. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007. 196 p.
- Malabou, 1996 – *Malabou C.* L'Avenir de Hegel: Plasticité, Temporalité, Dialectique. Paris: Vrin, 1996. 196 p.
- Malabou, 2009 – *Malabou C.* Ontologie de l'accident. Paris: Éditions Léo Scheer, 2009. 128 p.
- Negri, 2009 – *Negri A.* The Labor of Job. The Biblical Text as a Parable of Human Labor / Foreword by Michael Hardt, trans. by Matteo Mandarini. Durham and London: Duke University Press, 2009. 138 p.
- Negri, 1991 – *Negri A.* The Savage Anomaly. The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics / Trans. by M. Hardt. Minneapolis (Minn.); Oxford: University of Minnesota Press, 1991. 280 p.
- Virno, 2004 – *Virno P.* Grammar of the Multitude. For an Analysis of Contemporary Forms of Life / Trans. by Isabella Bertolotti, James Cascaito, Andrea Casson. N. Y.: Semiotext(e), 2004. 120 p.

Immeasurable Cosmology. Acting according to Antonio Negri

Nina N. Sosna

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: phljrn1@yandex.ru

Antonio Negri's works, including early books are considered here in the perspective of contemporary discussions on "agency", "elemental" and new forms of subjectivity. Bearing attention to Negri's marxist position as well as his Spinozist views, the author questions whether notion of measure is applicable to that of forms of life. On the one hand, Negri opposes creative production to the instrumentalist reason, meaning that creation acts beyond measure or any form of control or governance. On the other hand, he does not see the very existence of acting and creative unity in the immeasurable totality of no value. Therefore the possibility is open towards understanding measure not as external frame which is put on "raw material", but moreover as unifying technical principle that hold the subjectivity within. This possibility obtains interesting ways of realization in the context of actual perlaboration of technics that operates imagery and artistic as well as technological descriptions. Examples of latter ones are provided in the article to reveal Negri's clearly non-posthuman, but still futurological decision.

Keywords: unity, instrumentalism, technics, measure, elemental, augmentation, cosmogony

References

- Galloway A.R., LaRivière J.R. Compression in Philosophy, *boundary 2*, vol. 44, no. 1. Durham and London: Duke University Press, 2017, pp. 125–147.
- Galloway A.R., Thacker E. *The Exploit: a Theory of Networks*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2007. 196 p.
- Malabou C. *L'Avenir de Hegel: Plasticité, Temporalité, Dialectique*. Paris: Vrin, 1996. 196 p.
- Malabou C. *Ontologie de l'accident*. Paris: Éditions Léo Scheer, 2009. 128 p.
- Nancy J.-L. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being Singular Plural], trans. by V. Furs. Minsk: Logvinov Publ., 2004. 272 p. (In Russian)

Negri A. *The Labor of Job. The Biblical Text as a Parable of Human Labor*, foreword by M. Hardt, trans. by M. Mandarini. Duke University Press, Durham and London, 2009. 138 p.

Negri A. *The Savage Anomaly. The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*, trans. by M. Hardt. M. Hardt. Minneapolis (Minn.); Oxford: University of Minnesota Press, 1991. 280 p.

Negri A., Hardt M. *Imperiya* [Empire], ed. by G. Kamenskaya. Moscow: Praxis Publ., 2004. 440 p. (In Russian)

Negri A., Hardt M. *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v e'poxu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire], ed. by V. Inozemtsev. Moscow: Cultural revolution Publ., 2006. 559 p. (In Russian)

Negri A., Hardt M. Sub"ektivny'e figury' krizisa [Subjective Figures of Crisis], trans. by D. Aronson, *Siniy Divan*, 2014, no. 19, pp. 86–104. (In Russian)

Negri A. E'tika kak sozidanie [Ethics as Creation], trans. by I. Levina, *Siniy Divan*, 2012, no. 17, pp. 213–228. (In Russian)

Penzin A. «Revolucionnoe chudovishhe»: ponyatie mnozhestva v filosofii Antonio Negri [“Revolutionary Monster”: the Notion of the Multitude in the Philosophy of Antonio Negri], *Siniy Divan*, 2004, no. 5, pp. 36–61. (In Russian)

Sosna N. Potencial'no «chelovecheskoe»: Virno i medial'noe [Potentially “Human”: Virno and the Mediality], *Filosofskii zhurnal* / Philosophy Journal, 2013, vol. 10, no. 1, pp. 64–75. (In Russian)

Sosna N. Vvedenie v etiku zhizni [Introduction to the Ethics of Life], *Siniy Divan*, 2012, no. 16, pp. 151–164. (In Russian)

Virno P. *Grammatika mnozhestva* [Grammar of the Multitude], trans. by A. Petrova. Moscow: Garage Publ., Ad Marginem Publ., 2013. 176 p. (In Russian)